

Не скажу, что сурово и грустно,
но весьма одиноко, мой друг.
Будто вспыхнули заново чувства,
ограждавшие душу от мук.

Даже здесь в невесёлой больнице,
где в окно так и плещется синь,
будто снова не только снится,
но приходит любовная жизнь.

Будто нет ничего за плечами:
ни обид, ни тревог, ни потерь...
И всё явственней слышу ночами,
как стучится грядущее в дверь.

Ну, а то, что я болен сурово, —
знаю... Память не может никак,
мне вернуть вдохновенное слово,
погружаясь то в холод, то в мрак...

Ах, какая нежданная участь,
но она не случайна вовек,
и живу без надежды на случай,
как не самый плохой человек...

* * *

В небе облачном мрак замаячил.
Лес в ночном ожиданье застыл...
Отчего ты всё плачешь и плачешь,
будто веришь, что я разлюбил?

Разлюбил... Даже слова такого
знать не знаю и знать не хочу!
Мне бы лишь к твоей нежности снова
восходить, как звезде, по лучу...

В глубине твоих глаз тёмно-синих
мне бы только тонуть и тонуть...
Успокойся и верь, что отныне
мы найдём к счастью истинный путь.

И пройдя его весь, ты увидишь,
может, даже тот солнечный рай,
где ни боли, ни зла, ни обиды,
лишь святая любовь через край.

Отчего ты печальна, я знаю, —
это зависти злобной брехня!
Но я злобу и зависть прощаю
лишь за то, что прощаешь меня!..

* * *

Вновь небо тучами клубится...
Наверно, скоро будет дождь,
Но в чаще озорные птицы
С утра устроили галдёж.

Другие из пород известных —
дроздов, чижей и соловьёв —
вовсю поют такие песни,
что я от них рыдать готов.

И пусть, как дождевые струи,
струятся слёзы по щекам —
они, как Божьи поцелуи,
чисты и неподвластны нам...

* * *

Вновь налетевший с моря ветер,
как пёс, сорвавшийся с цепи,
взмывает к небу кроны ветел,
и взор болезненно слепит.

Но я, своим желаньям верен,
возьму лодчонку напрокат,
и ну грести сквозь все потери,
сквозь всю тоску и жизни ад...

Сам не замечу, как останусь
один среди бескрайних волн,

с душой, звенящей, словно парус,
любовью и надеждой полн.

Вот тут-то и стихи волною,
как в шторм, накроют с головой,
чтоб помнил: смерть не за горою,
чтоб помнил: небеса с тобой.

Душа от радости заплачет,
от счастья сердце запоёт!
И вновь, как ветер, наудачу
я за тобой рванусь вперёд.

* * *

Вновь на дворе совсем не злой мороз,
но зябко так, что не удержишь слёз,
едва в лицо ударит с силой ветер.
Дышать озонным воздухом легко,
но вот туман густой, как молоко,
идя вдоль речки, нынче не заметил...

Душой сыскав свет-образ золотой
и с вдохновеньем, что горит звездой,
пишу по-молодому броско, ярко...
И здесь, в лесу родном, где соловьи,
дрозды, синицы свищут о любви,
мне не сыскать рассветнее подарка...

* * *

Закройся, я уйду, уже сейчас уйду!
Ведь не во что нам верить, дорогая,
когда летим из радости в беду,
напрасно позабыв о кущах рая.

Иль веруешь, что если я прогнусь
перед твоей гордынею ужасной,
на улице, как бомж, не окажусь?..
Да это бред, причём весьма опасный!

Мы много сделали для горевой любви,
чтобы жалеть о прошлом виновато.
Но минул срок... И вся душа в крови,
и нету ей ни света, ни возврата...

* * *

День только начался, пожалуй...
навзрыд успею, видит Бог,
сложить, пусть даже и устало,
букет неповторимых строк.

Покамест погуляю просто
в лесу, где звонкие чижи
поют, как будто с неба звёзды
мне вновь даруют от души!..

Где бурддук, — вот дерзновенный! —
ну, как на крыльях, по верхам
берёз и клёнов высоченных
проносится то тут, то там!

Где ручеёк с улыбкой детской
тебя приветит, словно друг,
на камнях, вымытых до блеска,
где только звон стоит вокруг...

Где в глубине угрюмой чаши
и полумрак, и полугишь...
Как будто с одиноким счастьем
о прожитом светло молчишь...

Но, чу! Довольно о природе —
ведь наконец пришли стихи,
неповторимы в своём роде,
что мне навек простят грехи...

НЕЖНЫЙ ДАР

Как хорошо, что ты со мной!
Как хорошо, что я с тобою!
Весь мир горит святой зарёй
и нетерпением, и любовью!

Нет, я не гений, я мечтатель,
а гениальна в счастье ты:
на чистый стол накрыла скатерть
почти стерильной чистоты.

В твоих глазах горят зарницы,
твоя улыбка — свет живой!
И мнится сердцу, что не птицы,
а ты поёшь в тиши ночной.

Да, ты такая! В этом мире
второй не сыщешь днём с огнём.
И дар такой держать в квартире?
Нет, я сполна в уме своём!

На волю! Там цветы и травы!
Пусть свет увидит, это он —
прекрасный образ женской славы,
что для бессмертья сотворён...

ЖАРКИЕ ЦВЕТЫ

Былое, словно кладбище, мертво —
мне из него не вызвать никого...
Ну, и пускай, ведь честно говоря,
осталось на закате сил живых —
лишь на один, но самый главный стих,
в котором небо, море и заря!

Но я от горькой жалости далёк,
поскольку всё, отпущенное в срок,

я совершил по чести и добру.
А если иногда
я вдруг грешил,
то оттого, что вновь и вновь любил,
сгорая, словно пламя на ветру!

Но этот грех — он именно меня
во тьме свинцовой, в полыханье дня
вознёс до чувств заветной чистоты,
с которыми, уверен, впредь могу
растить на стуже, в ледяном снегу
любви бессмертной жаркие цветы.

И вдохновенно с головы до ног
огнём цветов тебя засыплю впрок!
Ну, посмотри, какой счастливый я!
Таким навек останусь я, поверь,
вот и не помни никаких потерь,
но знай одно: ты по судьбе моя!

ВОЛК...

Недоспал, переспал? И не знаю...
Но, поднявшись, угрюмо иду,
как по самому смертному краю,
у последних врагов на виду...

Не с того ль, что вчера много выпил
водки, виски — всего, что лилось?..
Ах, ты, жизнь моя, — скорбная липа,
с горьким плачем осенних берёз!..

Никому я на свете не нужен...
Или нужен бессмертным стихам?
Только с ними всё глуше и глуше
я веду разговор по ночам.

Как такое могло получиться?
Ведь я сердцем горел на ветру,
и не где-нибудь там, за границей,
а в краю, где рождён и умру?

Знал всегда я, что поздно иль рано
будет так, но не смог уберечь
нежных чувств, как от пули нагана
и по пьяни случившихся встреч...

И любовью с пустыми глазами
взял в кольцо я, чтоб сердцем умолк,
как обложенный в пади флажками,
доведённый до бешенства волк...

* * *

Война — слово очень жестокое,
но другое сыскать не смогу,
чтобы близким стало далёкое,
чтоб несло оно гибель врагу...

Там взорвётся закладка адская,
здесь, в столице, запал зажгут —
и всё больше борьба партизанская
разрастается, словно спрут...

Льётся кровь без вины виноватых,
с ног сбиваются в храмах попы,
чтоб отпеть старика, и солдата,
и ребёнка суровой судьбы.

Сколько лет уж — представить горько! —
за бандитами носится власть
по горам, ну, а толку-то только —
с гулькин нос, что пугает нас!

Не дай Боже, чтоб от отчаянья
мы — российский, мирный народ —
за оружие схватились спаянно,
всех мерзавцев пуская в расход!

Пусть простят нас великодушно,
коль под руку горячую нам
попадётся и тот, кто послушно
помогает за деньги врагам!

Власть, державно править охочая,
ты расслышала нас, мать твою?!
Мы, конечно, народ рабочий,
но смекаем, что делать в бою...

СТЕНЫ ВРАНЬЯ

И опять я должен, как таран,
волей прошибать глухие стены...
О, судьба тревожная славян —
ножиком порезанные вены.

Тяжко жить, аж хочется рыдать,
и рыдаю про себя душою.
Только, если честно рассуждать —
я чего-то в этой жизни стою.

Дом срубил, поднял двух дочерей,
написал стихи завидной силы.
Коли духом падал, то, скорей,
от тоски по матушке России...

Всё же каждый раз, как из огня,
восставал я из своей печали.
И сегодня, братья, за меня
вам бояться надлежит едва ли...

Отрыдаю про себя и вновь
встану в рост, легко расправлю плечи.
И пусть жилах закипает кровь,
как в разгаре порубежной сечи.

А глухие стены из вранья
я свалю, чтоб жить на вольной воле,
где, играя волнами жнивья,
ходит моей вечной жизни поле.

Вновь охваченный чёрными думами,
я шагаю вперёд, как к концу...
Эй, гроза, налетай и струями
бей меня захлёб по лицу...

Не спасаясь под шумными кронами,
я до нитки промокну в пути,
буду мёрзнуть потом под клёнами,
но с остатним теплом в груди...

Быть не может, чтоб жажда спасения
не встряхнула меня — будь здоров!
И встряхнёт! Коль в огне вдохновения
вновь я жить по полной готов.

Это значит, что хватит мудрости,
чтоб не впасть в простуду-беду,
с шага быстрого, будто в юности,
враз на стайерский бег перейду.

Будет в клетке грудной, как молотом,
сердце в рёбра неистово бить!
Ах, ты жизнь моя, страдное золото,
невозможно тебя не любить!

* * *

Всё откровенней, всё вольней
с крутым подъёмом бьётся сердце.
Я впрок ещё из тех парней,
кто докуёт своё бессмертье.

Вперёд, к нему! В огне стихов
бесславья догорает пламя...
А сколько за спиной годов
осталось, знает только память.

Нашему давнему и постоянному автору Ивану Ивановичу Переверзину исполняется 65 лет... Первыми его публикациями в журнале “Наш современник” были циклы стихотворений, напечатанные в журнале аж в апрельском и сентябрьском номерах 1994 года, когда молодой поэт работал в Ленском районе республики Якутии в ответственной должности первого заместителя руководителя района.

За эти две публикации Переверзин, ещё никому не известный в Москве, куда он переехал лишь через семь лет, был удостоен почётного звания лауреата журнальной премии за 1994 год. Насколько это было значительным событием в его жизни, можно судить хотя бы по тому, что вместе с ним в список лауреатов вошли Василий Белов, Сергей Кара-Мурза, Сергей Говорухин, Вадим Кожин, Владимир Личутин, академик Никита Толстой...

Так что, как говорится, сразу после выхода в свет этого номера Иван Переверзин сразу стал известным читающей публике поэтом и желанным автором журнала. Достаточно добавить к сказанному, что после того, как заведующим отделом поэзии журнала стал Юрий Кузнецов, в семинаре которого учился на Высших литературных курсах наш юбиляр, то за период с 1998-го по 2002 год по воле Кузнецова была напечатана в “Нашем современнике” в общей сложности целая книга — 50 стихотворений молодого русского поэта из Якутии, не известного широкому читателю.

За время московской жизни Иван Переверзин стал не только руководителем Литературного сообщества писательских союзов, Международного литературного и Российского литературного фондов, не только создателем завоевавшей заслуженное признание “Общеписательской литературной газеты”, но и талантливым прозаиком, опубликовавшим в прошлом году в журнале “Наш современник” роман “На ленских берегах” (название журнального варианта “Постижение любви”), о необычной судьбе которого наши читатели могут прочитать на четвёртой странице обложки этого номера.

Одним словом — с юбилеем тебя, наш исконный автор и друг!
Редакция